

DOI: 10.46698/VNC.2024.82.49.001

Гарник Серобович Асатрян

доктор филологических наук, профессор,
директор Института востоковедения РАН
(0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина 123)
E-mail: garnikasatryan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Азамат Асланбекович Бетрозов

лаборант-исследователь, Научно-иссле-
дательский отдел «Центр скифо-аланских
исследований» ВНИИ РАН (363110, РСО-
Алания, с. Михайловское, ул. Вильямса, 1).
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

АРМЕНИЗМЫ В ОСЕТИНСКОМ

Аннотация. В статье рассматривается общий круг вопросов, касающихся возможных арменизмов в осетинском языке, в частности, намечаются некоторые методологические контуры определения армянских заимствований в осетинской лексике. Авторами делается попытка систематизации материала по определенным категориям, вносятся уточнения и предлагаются новые этимологии и пояснения.

Ключевые слова: арменизмы в осетинском, арменизмы в грузинском, осетинский, армянский, аланский, грузинский

Для цитирования: Асатрян Г. С., Бетрозов А. А. Арменизмы в осетинском // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 247–257.

Рукопись поступила в редакцию 12.10.2024

Рукопись принята к печати 4.11.2024

Garnik Serobovich Asatrian

Prof. Dr. Sc., Head of the Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian Slavonic University (0051, Armenia, Yerevan, st. Hovsep Emin 123)
E-mail: garnikasatrian@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Azamat Aslanbekovich Betrozov

research assistant, Research department “Center for Scytho-Alanic Studies” of VSC RAS (363110, North Ossetia-Alania, Mikhailovskoe village, Williams St., 1.)
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

ARMENISMS IN OSSETIC

Abstract. The article presents a general outline of problems concerning possible Armenian borrowings in the Ossetian language. It includes particularly some methodological principles for identification of Armenian loanwords in the Ossetian lexicon. The authors try to systematise the material into certain categories, make clarifications, propose new etymologies and explanations.

Key words: Armenisms in Ossetic, Armenian Loans in Georgian, Ossetic, Armenian, Alanian, Georgian

For citation: Asatrian G.S., Betrozov A.A. Armenisms in Ossetic // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. P. 247–257.

Received on 12 October 2024

Accepted on 4 November 2024

0. Еще в середине прошлого века Э. Бенвенист настаивал на необходимости изучения заимствованной лексики осетинского языка: «Приходится сожалеть, — писал он, — что многочисленные заимствования из соседних языков в осетинском пока не подвергались систематическому изучению» (Benveniste 1959: 16–17, fn. 2). Оставляя в стороне прочие инородные слои осетинского словаря, следует отметить, что это утверждение особенно верно в отношении армянских элементов в осетинском. В этой сфере царит полная неразбериха: имеющиеся отдельные публикации по данной теме в целом либо не выходят за рамки дилетантских спекуляций,

либо представляют собой сумбурное повторение общеизвестных фактов, взятых в основном из словаря В. И. Абаева, не всегда, кстати, релевантно отражающего армянские языковые реалии. Наша статья – первая попытка внесения системности в определение и классификацию осетинских лексем армянского происхождения¹.

Абсолютное большинство армянских лексических единиц, отмеченных в осетинском, проникли в язык, как правило, через грузинское посредство, что вполне естественно в отсутствие осетино-армянской контактной зоны. По сути, вероятность прямых заимствований в осетинский из армянского крайне мала – эту опцию вообще следовало бы исключить из повестки анализа армяно-осетинских языковых фактов.

Тем не менее, в осетинском зафиксирован ряд лексем явно армянского происхождения (см. ниже, § 2), не имеющих признаков грузинской аффилиации, проявляющейся преимущественно в наличии грузинского показателя номинатива *-i*. Эти формы должны быть отнесены к категории ранних заимствований, но не в осетинский, а в аланский – судя по всему, прямой предок первого. Таким образом, в случае с арменизмами без грузинской адаптации речь может идти лишь об аланском лексическом наследии. Кстати, этот же важный методологический принцип должен учитываться и при определении средне-западноиранских элементов в осетинском, ибо наличие в современной осетинской лексике новоперсидских – даже ранних – заимствований может быть обусловлено исключительно иноязычным, скорее всего, тюркским, посредством. Посему, в осетинском не могут быть непосредственные заимствования как из армянского, так и из новоперсидского. Любые работы, направленные на поиск подобной лексики в осетинском, не более чем спекулятивные рассуждения. В данном контексте, например, выведение осетинского *(i)zæd* “божество” из новоперсидского *īzad*² попросту невозможно, поскольку, во-первых, прямых общений между осетинами и носителями персидского языка в новоиранский период не отмечено, а, во-вторых, данное слово встречается исключительно в классической литературе и в разговорной речи никогда не употреблялось. С другой стороны, предположение В. И. Абаева (ИЭСОЯ IV: 291) о древнеиранской родослов-

¹ Общую характеристику армянского и осетинского в плане типологии и их так называемого «общего субстрата», см. Абаев 1970; Schmidt 1974; см. также Vogt 1988, рассматривающий эти языки в формате языкового союза с картвельским и тюркским.

² Обычно со ссылкой на Х. Хюбшманна (Hübschmann 1887: 125), хотя великий Хюбшманн, разумеется, не мог допустить такую оплошность: объясняя происхождение осетинского *(i)zæd* “Engel”, он отмечает в лапидарном стиле *np.* (= *neupesisch*) *īzad*, т. е., по сути, “ср. н.-перс. *īzad*”, но, к сожалению, это утверждение воспринимается именно как, если бы он якобы говорил о заимствовании из новоперсидского.

ной этого термина, из иран. **iažata-*, тоже необосновано по причине абсолютного отсутствия зороастрийских следов во всей скифской конгломерации, включая алан. Понятно, что в данном случае мы имеем дело с древним элементом, проникшим в язык в период аланских нашествий на регион (I–II вв. н.э.) – либо из среднеперсидского, либо из парфянского *yazat/d* (более подробно см. Асатрян 2024: 686). Что касается скифо-сарматских личных имен с соответствующим элементом, приведенных В. И. Абасевым в качестве подтверждения своего видения, то этот аргумент не может считаться доказательным (см., в частности Cheung 2002: 93–94, fn. 46, 253). Таким образом, любой среднеиранский элемент в осетинском должен рассматриваться как пережиток аланского наследия, а любое новоперсидское слово – как, скорее, тюркизм. Точно также любое слово в осетинском, идентифицируемое как арменизм, но лишенное признаков грузинской адаптации, должен однозначно рассматриваться как продукт аланского периода³.

Наконец, при идентификации армянских элементов в осетинском следует выделить также особые группы, включающие сомнительные случаи и регионализмы (т. е. культурные термины, имеющие общекавказскую представленность).

1. Термины армянского происхождения, проникшие в осетинский через грузинский язык

— **Осет. *aguri* | *agori*** “кирпич”, из груз. *aguri* “тж.” < арм. *agur* “тж.”, из перс. *āgūr* (также *ājū/ur*); источник – аккад. *agurru* “тж.”.

— **Осет. *bal* | *bali*** “вишня”, из груз. *bali* “тж.” < арм. *bal* “тж.”, идущего из н.-перс. *bālū* (*ālū-bālū*) “тж.” – без установленной этимологии (см. Hübschmann 1897: 263; НАВ I: 382; ИЭСОЯ I: 233); по форме подразумевает иран. **(H)uward-* “расти, увеличиваться”.

— **Осет. *dik'i*** “бурдюк”, из груз. *ṭīki* “тж.” < арм. *tik* “тж.”, имеющего безупречную и.-е. этимологию, из **dik-* (см. НАВ IV: 405; Jahukyan 2010: 729).

— **Осет. *erdo*** “отверстие в плоской крыше сакли для выхода дыма” (ИЭСОЯ I: 412–413), из груз. *erdo* “плоская крыша” < арм. *erd(-oy)* “отверстие в крыше, кровле, пропускающее свет и служащее как дымоволок; очаг; дом; семья”, слово классического периода — не имеет достоверной этимологии (см. Jahukyan 2010: 222).

³ Мы, конечно, за исключением одного случая (см. ниже § 4), не рассматриваем явные идеофоны типа осет. *bumbuli* | *bomboli*, *bunbuli*, арм. *bəmbul*, груз. *bumbuli* “пух”, и т. д., а также поверхностные совпадения как осет. *mætatyk* | *tatuk* “название съедобного растения” и арм. диал. *matatuk* “вид съедобного растения”.

— **Осет.** *garak'i (garači)* “масло сливочное”, из груз. *ḡaraki* < арм. *karag/k* “тж.”, из ср.-перс. **karak/g*, н.-перс. *kara* – без установленной этимологии (см. подробно Asatrian, forthcoming, s.v. *kara*).

— **Осет.** *got'osi* “инструмент для высасывания крови, делается из бычьего рога” (ИЭСОЯ I: 525), из груз. *koṭoši* “тж.” < арм. диал. *kotoš* “рог” – не имеет достоверной этимологии: кроме сомнительной н.-перс. формы *gadāš* “рог”, отмеченной только в словаре Шу'ури (XVIII в., не очень достоверный источник), других свидетельств нет. В османско-турецком *qodoš* обозначает “сутенер” (в современном турецком *pezevenk*), возможно, из арм. диал. *godoš*.

— **Осет.** *gyk'yna* | *gek'un* “кукла; девочка”, из груз. *ṭikina* “кукла” < арм. *tikin* “госпожа, дама”, слово классического периода – исконно армянская форма (см. подробно НАВ IV: 406).

— **Осет.** *k'abic* “название меры сыпучих тел”, из груз. *ḡabici* “старинная мера сыпучих тел” < арм. *kapič* “мера сыпучих тел; мера измерения вина” (НАВ II: 525; Benveniste 1959: 16), идущего из ср.-перс. *krus* / *kapīč* “тж.”, н.-перс. *kavīz*, *kavīž* “тж.”; из иранского проникло и в греческий, ср. греч. *καπίθη* (Brust 2008: 299 ff.; Beekes 2010: 638).

— **Осет.** *k'otyr* “банкрот”, из груз. *koṭri* “тж.” < арм. диал. *kotər* / *kotor*, употребляемое с глаголом *ənknel* “падать” в значении “обанкротиться”, *kotər* “банкрот”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 637) не упоминает армянскую форму.

— **Осет.** *k'ūpri* | *k'up(u)ri* “бурдюк (пропитанный смолой)”, из груз. *ḡupri* “деготь” < арм. *kupr* “смола, деготь, мазут”, идущего из месопотамского источника (см. Hübschmann 1897: 308; НАВ II: 661–662). Однако, армянское слово отражает, скорее, ср.-перс. **kupr*, а не прямо месопотамскую форму.

— **Осет.** *k'yr* | *k'iræ* “известь”, из груз. *ḡiri* “тж.” < арм. *kir* “тж.”; слово семитского (ср. араб. *ḡīr* “известь”) происхождения (Hübschmann 1897: 172; НАВ II: 593).

— **Осет.** *kažī* “бес, дух преисподней”, из груз. *kaži* < арм. *k'aj-k'* (подробно об этимологии слова с указанием исчерпывающей литературы, см. Асатрян 2024: 688–689).

— **Осет.** *mac'oni* “кислое молоко, мацун”, из груз. *maṣoni* “тж.” < арм. *masun* — слово безупречной и.-е. этимологии (см. Hübschmann 1897: 471–472; НАВ III: 228–229).

— **Осет.** *wardi* “роза”, из груз. *vardi* “тж.” < арм. *vard* “тж.”, из парф. **vard*, ср. также согд. *wtδ* / *warδ*, авест. *varəda-* < иран. **yarda-*, но ср.-перс. *gwl* / *gul* и н.-перс. *gul* < иран. **(H)urda-*.

— **Осет.** *wazi* “виноградная лоза”, из груз. *vazi* “лоза” < арм. *vaz* “виноградная лоза, побеги виноградаря”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ IV: 62) источ-

ником этих слов считает перс. *vāzīj* “виноградная ветвь”, но в действительности такого слова в персидском нет, это типичный пример т. н. *tašhīf*-а, ошибки писца. На самом деле, груз. *vazi* восходит к арм. *vaz*, что буквально означает “побег”, от глагола *vazem* “бегать”.

— **Осет.** *wirag* “еврей, иудей” (через **uriag*), из груз. *uria* < арм. *hrey* (< **hureay* < **hudeay*), которое восходит, вероятно, к парф. **yāhūdūyā* (ср. ман. парф. *yhw*d / *yahūd* “иудей”).

— **Осет.** *zeti* “масло растительное”, из груз. *zeti* “тж.” < арм. *jet* ‘, отражающего ср.-перс. *zyt*’ / *zait* “оливка” < сир. *zaitā* (ср. также араб. *zait*).

2. Арменизмы, восходящие к аланскому периоду

— **Осет.** *būlk*’ | *bolgæ* “редька”. В. И. Абаев (ИЭОСЯ I: 270) выводит из груз. *boloki* “тж.”. Тем не менее, более вероятно заимствование в древний период из арм. *bol*k “редька, редиска”, имеющего хорошую и.-е. этимологию, из **bhol-* с расширением *-k-* (ср. греч. *φύλλον*, лат. *folium*) (см. НАВ I: 465; Jahukyan 2010: 134; Martirosyan 2010: 181–182). Грузинская форма заимствована из армянского.

— **Осет.** *kalak* “город”. В. И. Абаев (ИЭОСЯ I: 569) объясняет из груз. *kalaki* “город”, хотя слово выступает без грузинского форманта номинатива *-i* — основного показателя осетинских лексем грузинского происхождения, в том числе идущих из армянского, как в случае с большинством форм, рассмотренных выше (см. §1). Несмотря на ограниченное распространение слова в осетинском (на севере — *goræt* = русск. *город* и *saxar* = перс.-тюрк. *šahar*), тем не менее вероятность древнего заимствования из армянского в аланский период очень высока.

Армянское *kalak*, на первый взгляд, проще всего было бы объяснить из ср.-перс. *kl’k* / *kalāk* “крепость” (ср. также н.-перс. *kalāt* и *kalā*), но, основываясь на этимологии, предложенной Э. Хампом (Hamp 1985: 52), из и.-е. **tropolH-* через позднюю ступень **tʰolH-* (ср. греч. *πόλις* < *πτόλις*), можно предположить, что иранские формы восходят к армянскому источнику, что вполне возможно, учитывая урартское влияние на иранскую архитектуру и градостроительство ахеменидского периода (см. Ghirshman 1962; об истории иранских форм подробно, см. Asatryan, forthcoming, s. v. *kalāt*; см. также Schmitt 1981: 170).

— **Осет.** *læzæg* “палка, посох”. Это, судя по всему, древнее заимствование аланского периода из арм. *lcak* / *læcak* “рычаг”, суффиксального образования (с *-ak*), засвидетельствованного еще в переводе Библии (V в.), от *luc* “ярмо; иго; бремя”, слово исконно и.-е. происхождения (НАВ II: 301; Jahukyan 2010: 302; Martirosyan 2010: 316–317). Такого же мнения и В. И. Абаев

(ИЭСОЯ II: 18-19), хотя и параллельно предлагает альтернативную, но бесперспективную и.-е. версию. Озвончение армянских глухих *-с-* и *-к* произошло уже в осетинском: арм. суффикс *-ak* адаптировался в осет. *-æg*, а далее — под влиянием конечного звонкого — арм. *-с-* превратилось в осет. *-з-*.

— **Осет. *malūsæg*** “подснежник” < арм. *manūšak*, которое, в свою очередь, заимствовано из ср.-перс. *wnpšk’* / *vanafšak*; ср. в кавказских языках, например, дарг. *manafša*. Осетинская форма не может быть из среднеперсидского. Армянское слово зафиксировано в наиболее ранних образцах армянской литературы V в. (НАВ III: 256).

— **Осет. *mæxæl*** “кожаный мешок” (ИЭСОЯ II: 109) < арм. *maxal* “мешок, торба; бушлат”, слово классического периода, заимствовано и в грузинском как *maxal* и *maxalaki*; последнее предполагает арм. **maxalak*. Этимологии нет, но скорее всего, из иранского.

— **Осет. *zūg* | *zog*** “стадо, гурт, стая”. По В. И. Абаеву (ИЭСОЯ I: 399), слово усвоено из соседних кавказских языков; приводя несколько картвельских форм, груз. *žogi*, сван. *žveg*, в этом ряду, он при этом упоминает и арм. *žok*, первичное значение которого, скорее, “отделенный, раздельный”, а не “группа; табун и т. д.” Последнее значение слово приобрело в сочетании с суффиксом *-at* (в процессе контаминации с глаголом *hatanem* “разделять, отделять; резать”), т. е. *žokat*, которое обозначает также “отряд, рота”. Армянское слово засвидетельствовано с среднеармянского периода, но, по всей видимости, восходит к ср.-перс. **žōk* (< **yōk*) < **jaṇ(a)ka-* (иран. **jaṇ-* “разделять”), ср. также н.-перс. *judā* (< **jutā-ka-*), курд. *jihē* “разделенный, раздельный” (см. подробно Asatrian forthcoming, s. v. *žō*“х). Грузинские формы заимствованы из армянского.

— **Осет. *wužun* | *uzun*** “еж”. — Данное осетинское слово, часто упоминаемое в штудиях по и.-е. сравнительной лингвистике в качестве иранской параллели названий ежа в ряде и.-е. языков (греч. *εἰςίνοϛ*, арм. *ozni*, ст.-слав. *ježь*, русск. *ёж*, лит. *ežys*, нем. *Igel* и т. д.), на самом деле представляет собой довольно спорный случай. И.-е. праформа имени данного животного — **h₁eǵhi-*, выступает с суффиксами **-Hno-* и *-jo-*, причем и с огласовкой *-o-*, как в арм. (< **h₁oǵhi(H)nijo-*). Но следует отметить, что в индоиранском соответствующие параллели в рамках и.-е. лексической парадигмы нигде не встречаются. Тем не менее, гипотетическую иранскую праформу этого зоонима можно с уверенностью восстановить как **ažina-*, которое отразилось бы в осетинском как **æzin*. В. И. Абаев (ИЭСОЯ IV: 129) склонен объяснять эту девиацию “табуистической деформацией”, что не убедительно — ладно, если бы имелось несколько надежных соответствий в индоарийских или иранских языках. Однако, при отсутствии таких исконность осетинской формы выглядит весьма спорной. Очевидно, что мы имеем дело с заимствованием, наиболее вероятным источником ко-

торого может быть некая диалектная форма классического армянского *ozni* в период активных армяно-аланских контактов, породивших даже общие мифологические циклы (см., например, Fritz/Gippert 2005; Gevorgian 2007).

3. Регионализмы

— Осет. *gūton* | *goton* “плуг”. — Понятно, что данное слово не может быть исконным в осетинском, учитывая тот факт, что земледелие как вид хозяйственной деятельности однозначно не было приоритетным для предков осетин — сарматов, алан и скифов вообще. К тому же, это слово имеет довольно широкое распространение в языках региона (см. НАВ I: 587; ИЭСОЯ I: 527): в н.-перс. *kūtān*, арм. *gut'an*, груз. *gutani*, авар. *kutan*, курд. *k'utān* (< арм.) и т. д. В. И. Абаев (там же) склонен считать источником всех этих форм скиф. **skutan*, обозначающее якобы “скифский (плуг)”, что не очень убедительно. Более правдоподобно иранское происхождение этого важного сельскохозяйственного термина. По предположению Д. Буянера (apud Asatrian, forthcoming, s. v. *kūtān*), слово (перс. *kūtān* < **gōtān*) можно вывести из иран. **gau-tāna*- со значением “(инструмент) притягиваемый волами”. Фонетический облик осетинского слова не оставляет сомнения в том, что перед нами заимствованный элемент, а не продолжение древнеиранской формы — ожидалось бы **γot'on* или **qūt'on*. В любом случае, рассматриваемое слово можно считать общим ирано-кавказским культурным термином.

4. Сомнительные случаи

— Осет. *ængūz* | *ængoza* “гречский орех”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 160-161) приводит ближайшие связи, среди которых арм. *angoz*, *ankoyz*, груз. *nigozi* и пишет, что начальное *n-* (ос. *æn-*, и арм. *ən-*, груз. *ni-*) представляет наращение, возникшее на кавказской почве. На самом же деле арм. *ankoyz* восходит к более ранней форме **ankoyz* < ср.-иран. **hangōz* (редуцирование *-a-* в *-ə-* обусловлено преакцентной позицией гласного в армянском: **hangóz*), а последнее — из иран. **han-gauza*. Из этого следует, что осет. *ængūz* | *ængoza* и арм. *ankoyz* восходят к единой праформе, а начальное *n-* в них — не кавказское наращение, а является закономерным развитием иранского преверба **han-* или **ham-*. Что касается груз. *nigozi*, то оно идет из ср.-иран. **ni-gōz* < **ni-gauza-*, с превербом **ni-*.

— Осет. *zylak'uy* (дылак'уы) | *zilik'u* “мелкий лук, лук-сеянец”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 404) рассматривает как заимствование из грузинского *člakvi* “лук-сеянец”, объясняя при этом не обычное отражение груз. *č-* в осет. как *з-* (вместо *с'-*) результатом диссимилятивного озвончения. Тем не менее, нам кажется, что более вероятно связь с арм. *cil(-ik)* “росток,

стебель, саженец, злак”, точнее из диал. формы *jil(-ik)* (*j=dz*). Армянское слово имеет хорошую и.-е. этимологию (см. Jahukyan 2010: 362), она заимствована и в курдских диалектах, и в заза как *zīl(-ik)* (арм. *j* регулярно дает в курдском *z*). И в турецких диалектах слово отмечено как *zil* “росток, побег”, *zillemek* “давать ростки”.

— **Осет. *k'alati*** “корзинка, клетка (птичья)”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 617) считает заимствованием из груз. *kalata*, взятого, по его мнению, из арм. *kalat*, восходящего к греч. *κάλαθος* “корзина”. Однако, тут не все верно, ибо, во-первых, в армянском не существует *kalat*, а есть слово *kalat'*, что значит “плетеная корзина” (GB: 541; см. также Hübschmann 1897: 353), и восходит оно действительно к упомянутой греческой форме. Но осетинское слово не может быть заимствованием из грузинского, а отражает византийско-греческое *κάλαθη* (ср. *κάλαθηφόρος* “носящий корзину”; см. Sophocles 1900: 620), которое произносилось в то время, как *κάλαθι*, точно так же, как в современном греческом. По сути, мы имеем дело с добротным грецизмом в осетинском. Греческое слово не имеет и.-е. этимологии и принадлежит, скорее, к субстратному слою (догреческому наследию) греческого словаря (Beekes 2010: 620).

— **Осет. *k'od*** “мера сыпучих тел”. В. И. Абаев считает заимствованием из груз. *ḡodi* “мера зерна; деревянный сосуд”, а последнее считается в целом исконно грузинским словом, из картвельского **ḡod-* (см. Климов 1964: 113; Fähnrich 2007: 249). Однако, эта лексема имеет широкое распространение и в армянских диалектах, ср. *kod*, *kot*, *kuot*, *kiid* “деревянная миска; мера сыпучих тел; голова”. Г. Б. Джаукян (Jahukyan 1972: 304) считает его одним из лексических архаизмов, сохранившихся в армянских диалектах, и возводит к и.-е. **ḡouod-*. Оно повсеместно представлено и в курдском как *kōd(-ik)*, *kuōdik* в том же значении — идет, конечно, из армянского.

— **Осет. *k'yndy*** “скупой”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 650) не дает объяснения, а лишь с сомнением сравнивает с арм. *kccī* “скупой”, хотя, можно было бы привести более подходящую параллель из армянских диалектов — *kund*, *kənd*, обозначающую “пень; коротыш; лысый; хитрый; скупой”. Арм. же *kccī* входит в аблаутный ряд с *kcic* “вор” и *gcic* / *gjuj* “мелочный, скаредный” (см. Джаукян 1967: 301). Но все же в случае с осет. *k'yndy* и арм. *kund*, *kənd*, мы, скорее всего, имеем дело с обычным идеофоном.

— **Осет. *qaitar* (хъайтар)** “дерзкий, смелый; герой, витязь”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ II: 256) возводит к арм. *kaytar* “живой, бодрый, энергичный, резвый”, которое засвидетельствовано с классического периода, но не имеет установленной этимологии (см. НАВ II: 509-510). На первый взгляд, очень соблазнительное сопоставление, что само по себе уже вызывает подозрение; к тому же, в осетинском должно было бы быть *k'-* вместо *q-(хъ-)* в анлауте, а вместо осет. *-t-* предполагалась бы *-t'-*, т. е. **k'ayt'ar* (**къайт'ар*). Возможно, перед нами некий тюркизм (< араб.?). А, впрочем, более

вероятно, что рассматриваемое слово является осетинской адаптацией перс.-араб. *haytāl* (*haytāl*) — этноним эфталитов, ираноязычных племен, создавших обширное государство в IV–VI вв. в Центральной Азии. Данный этноним, навеянный образом легендарного народа, в арабо-мусульманской среде обозначал сильного человека, мужчину героической натуры, так что такое объяснение можно считать вполне правдоподобным — как в семантическом, так и в фонетическом планах. Начальное *q*-(хъ-) вместо ожидаемого *h*- можно объяснить отсутствием этой фонемы в осетинском. Сходных примеров, когда название народа, особенно сыгравшего историческую роль в прошлом, становится нарицательным клише, много. Армяне, например, мужчину атлетического телосложения и высокого роста называют *part'ev*, то есть “парфянин” (*part'evahasak* “имеющий парфянскую статью”), или грузины такого же мужчину обозначают термином *gmiri* “герой, богатырь, исполин”, который восходит к этнониму киммерийцев (ср. также в осет. *gumiri* | *gumeri*, *gæmeri* < груз.) и т. д.

— Осет. *qyc'y* | *qic'u* “горчица полевая”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ II: 321), следуя Хеннингу (см. Henning 1965: 41), считает заимствованием из тюркского, что маловероятно, ибо тюркская форма *qıçı* в значении “вид растения” и *qıçı* “горчица” имеют очень ограниченное употребление в тюркском (см. Радлов 1899: 792, 870; см. тж. Voeschoten 2023: 247), более того, не отмечены в словаре тюркских языков, соприкасающихся с осетинским. Нам кажется, данное слово могло быть старым заимствованием в аланском из армянского *kcu* / *kæcu* (из *kic*-) “острый на вкус, горький, кусающий”, которое засвидетельствовано в наиболее ранних образцах древнеармянской письменности. К тому же, осет. -с'- = арм. -с- с фонетической точки зрения выглядит более естественным, чем осет. -с'- (вместо обычного -с-) = тюрк. -č-.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев, В. И. (1970), “Типология армянского и осетинского языков и кавказский субстрат”, *Sprache und Gesellschaft, FS G. Pötsch*, Jena: 16–28.

Асатрян, Г. С. (2024), “О зороастризме в Дагестане”, *История, археология и этнография Кавказа*, т. 20/3: 683–696.

Джаукян, Г. Б. (1967), *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*, Ереван.

ИЭСОЯ I–IV — В. И. Абаев, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, тт. I–IV, Москва–Ленинград 1958–1989.

Климов, Г. А. (1964), *Этимологический словарь картвельских языков*, Москва.

Радлов, В. В. (1899), *Опыт словаря тюркских наречий*, т. II/1, С.-Петербург.

Asatryan, G. S. (forthcoming), *Etymological Dictionary of Persian*, De Gruyter – Brill.

Beekes, R. (2010), *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden-Boston.

- Boeschoten, H. (2023), *A Dictionary of Early Middle Turkic*, Leiden-Boston.
- Benveniste, E. (1959), *Études sur la langue ossète*, Paris.
- Brust, M. (2008), *Die indischen und iranischen Lehnwörter im Griechischen*, Innsbruck.
- Cheung, J. (2002), *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*, Beiträge zur Iranistik, Bd. 21, Wiesbaden.
- Fährnrich, H. (2007), *Kartwelisches Etymologisches Wörterbuch*, Leiden-Boston.
- Fritz, S. / Gippert, J. (2005), “Armeno-Ossetica: Zum historischen hintergrund des Nartenepos”, *К 70-летию со дня рождения Л. Г. Герцинберга*, Санкт-Петербург: 385–420.
- GB — H. Ačaṙean, *Hayerēn gavaṙakan baṙaran*, Tiflis, 1913.
- Gevorgian, N. (2007), “On the Ossetic Legend about Art’awyz”, *Iran and the Caucasus*, vol. 11: 101–105.
- Ghirshman, R. (1962), “La civilisation achéménide et l’Urartu”, *A Locust’s Leg, Studies in Honour of S. H. Taqizadeh*, London.
- HABI — IV — H. Ačaṙean, *Hayerēn armatakan baṙaran*, vols. I–IV, Erevan, 1971–1979.
- Hamp, E. (1985), “Greek $\pi\tau$ and Armenian”, *Annual of Armenian Linguistics*, vol. 6: 51–52.
- Henning, W. B. (1965), “A Grain of Mustard”, *AION-L*: 29–47.
- Hübschmann, H. (1887), *Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*, Strassburg.
- Hübschmann, H. (1897), *Armenische Grammatik*, Leipzig.
- Jahukyan, G. (1972), *Hay barbaragitut’yan neracut’yun*, Erevan.
- Jahukyan, G. (2010), *Hayeren stugabanakan baṙaran*, Erevan.
- Martirosyan, H. (2010), *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden-Boston.
- Schmidt, K. H. (1974), “Ossetisch und Armenisch”, *Antiquitates Indogermanicae. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker, Gedenkschrift für H. Güntert*, Innsbruck: 391–397.
- Schmitt, R. (1981), *Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen*, Innsbruck.
- Sophocles, E. A. (1900), *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*, New York.
- Vogt, H. (1988), *Linguistique caucasienne et arménienne*, ed. by E. Hovdhaugen and F. Thordason, Oslo.

REFERENCES

- Abaev, V. I. (1970), “Typology of the Armenian and Ossetian Languages and the Caucasian Substratum”, *Sprache und Gesellschaft*, F. S. G. Pätsch, Jena: 16–28.
- Asatryan, G. S. (2024), “On Zoroastrianism in Dagestan”, *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 20/3: 683–696.
- Djaukyan, G. B. (1967), *Essays on the History of the Pre-Written Period of the Armenian Language*, Yerevan.
- IESOYA I–IV — V. I. Abaev, *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*, vols. I–IV, Moscow-Leningrad 1958–1989. Klimov, G. A. (1964), *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages*, Moscow.